

**СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ
ВОЙНОЙ С.П.
ГУДЗЕНКО**

**Подготовила студентка 112 группы
Ганичева Марина**

**СЕРГЕЙ
ГУДЗЕНКО**

1922 - 1953

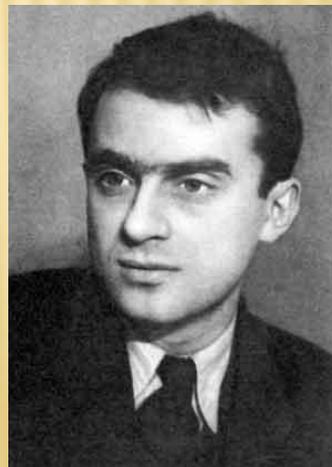
А. Ганичева

ТАКО СЕ ПЕВО:

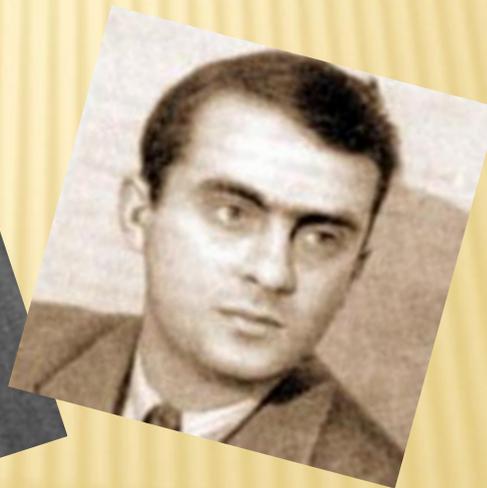
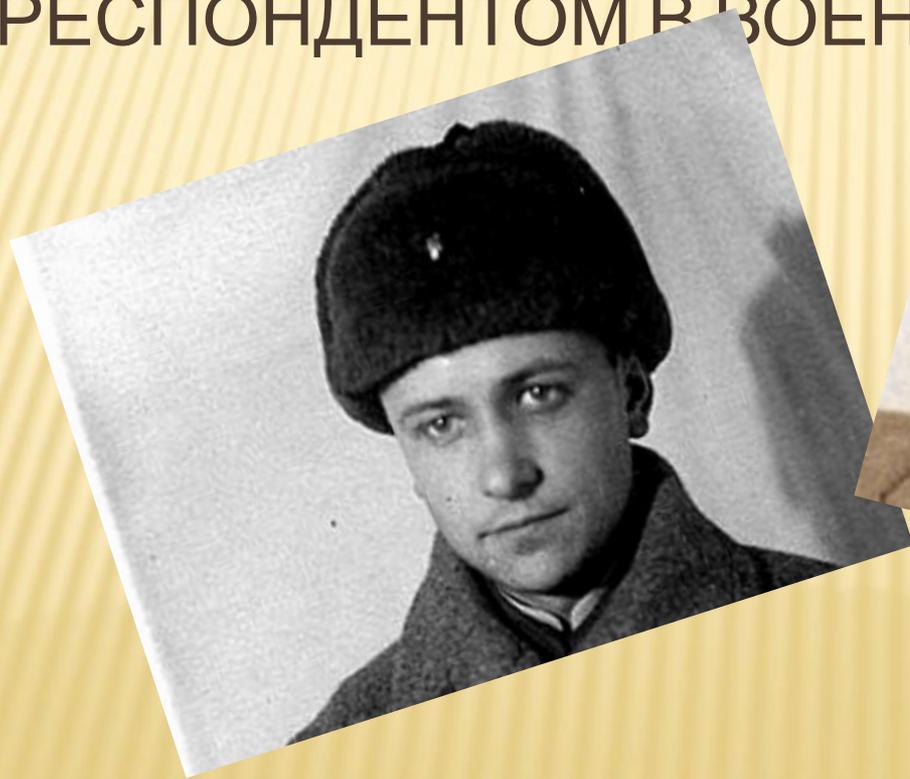
ИЗ ОКНА

ПОСМОТРИШЬ
ЧЕРНЫМИ ГЛАЗАМИ,
И ВЫЕСТ ИХ
ГОЛУБИЗНА
И ПЕРЕПОЛНИТ
НЕБЕСАМИ.

- Семен Петрович Гудзенко родился 5 марта 1922 года в Киеве, в семье инженера и учительницы. Будучи школьником, посещал литературную студию Дворца пионеров. В 1939 году он поступил в Московский институт философии, литературы и истории, но до конца не доучился – началась Великая Отечественная война.

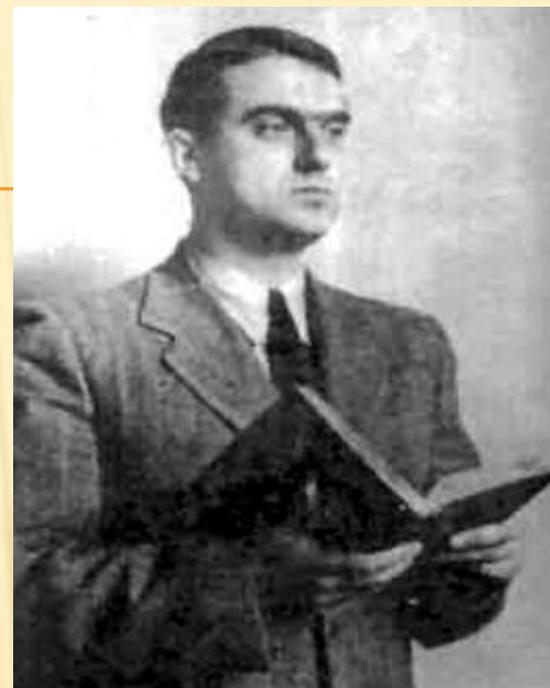

В 1941 г. ДОБРОВОЛЬЦЕМ УШЁЛ НА ФРОНТ, В 1942 БЫЛ ТЯЖЕЛО РАНЕН. ПОСЛЕ РАНЕНИЯ БЫЛ ФРОНТОВЫМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ. ПЕРВУЮ КНИГУ СТИХОВ ВЫПУСТИЛ В 1944 г. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ РАБОТАЛ КОРРЕСПОНДЕНТОМ В ВОЕННОЙ ГАЗЕТЕ.

КНИГИ СТИХОВ

- «Однополчане» (1944)
- «Стихи и баллады» (1945)
- «После марша» (1947)
- «Битва» (1948)
- «Закарпатские стихи» (1948)
- «Поездка в Туву» (1949)
- «Дальний гарнизон» (1950) поэма «О буднях солдат на военной службе в Туркмении»
- «Новые края» (1953)
- **изданы посмертно**
- «Армейские записные книжки. Дневники» (1962)

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут - поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою -
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.

Разрыв —

и умирает друг.

И значит - смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед.

За мной одним

идет охота.

Будь проклят

сорок первый год -

ты, вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.

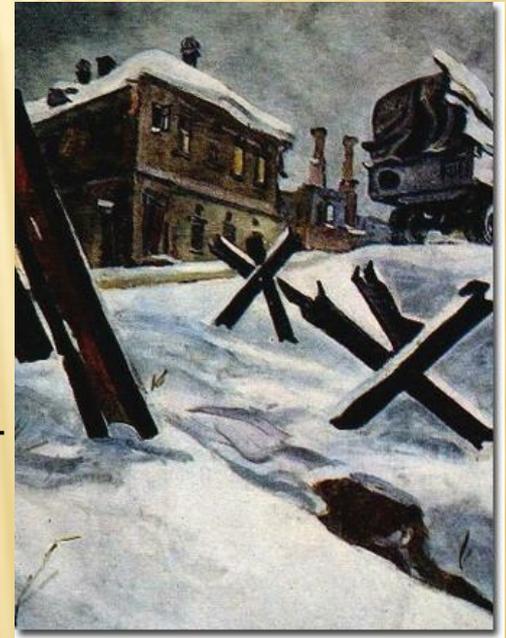
Разрыв —

и лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже

не в силах ждать.

О стихотворении «Перед атакой» сказано и написано много. Но, может быть, потому, что мимо них просто нельзя пройти?

«...Эти строки писались в прямом смысле перед атакой. Короток, как молния, был путь от замыслов до текста. В эти мгновения Семен Гудзенко сказал за себя и за всех» - это слова Льва Озерова, назвавшего Гудзенко « правофланговым нашей военной поэзии».

Гудзенко был переполнен драматическими впечатлениями тяжелой и опасной фронтовой жизни – отсюда отмеченный Эренбургом «натурализм» его стихов, мир открывался поэту поистине в минуты катастрофического слома жизни. Все, написанное им в ту пору, представляет, в сущности, лирический дневник человека, на которого обрушилась вовсе не та война – «малой кровью», «могучим ударом», «на чужой территории», - которую в предвоенную пору сулили с высоких государственных и партийных трибун, которая шествовала по экранам кинотеатров, о которой сочинялись заливчатские песни и стихи.

«О чем она? – писал о поэзии Гудзенко Павел Антокольский. – О правде. Только правдой держится она. Молодой поэт извлекал эту правду из-под отголосков чужого, напетого предыдущим чтением, из-под гипноза общих мест и общезначимой легкости. Гудзенко как заразы боялся неверной, фальшивой ноты, боялся перепевов бодрой публицистики и барабанно-маршевого ритма.

Он пришел из низов армии, из стрелкового батальона...

«Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.

Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне...

Но если снова воевать...

Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин.

хотя бы треть пути,

Потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Его задачей было уберечь непосредственную достоверность пережитого. В этом была его принципиальность, его требовательность к себе.

Стихи Гудзенко-исповедь «сына трудного века», молодого солдата Отечественной войны. Поэт, как и многие тысячи его сверстников, почти мальчиков, что «начали в июне, на заре», «был пехотой в поле чистом, // в грязи окопной и в огне». Гудзенко и пишет в стихах о том, что видели они все и что пережил он сам: о первом бое, когда «выл над соснами металл», и о «черных трупях» полу сожжённых однополчан, лежавших на окраине только что отбитого у врага села, об изрытом минами и почерневшем от минной пыли снеге и подорванных «рельсах, согнутых улиткой», о том, как, «горят мосты и рушатся настилы, // и тонут кони в бешенстве реки», как «бросали врукопашную пыльные, потрёпанные роты», о горьких дорогах отступления и погибшем в Праге после победы майоре

Как часто в стихах Гудзенко встречаются слова «окоп», «окопный»: «окопная верность», «окопное терпение», «окопный ржавый след», «в грязи окопной», «в окопе замеченном». Это не случайно: они рождены суровым, выстраданным, большой кровью оплаченным опытом солдата-окопника.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЛИРИКА...

Послевоенная судьба Гудзенко – и человеческая, и творческая – была непростой и нелегкой.

«Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мертвых расцвели голубые цветы.»...

В 1942-м году создаются новые стихи Семена Гудзенко такие, как «Товарищи», «Первая смерть», да и многие другие в которых автор пишет о своих ровесниках на войне, фронтовых друзьях –это самая сокровенная тема в поэзии Гудзенко.

**«У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.
Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
Алюминиевой фляги...»**

(« Надпись на камне»)

Высоко ценивший дружбу, сам умевший дружить, он писал: « Я сына верно дружить научу». Одно из самых известных стихотворений поэта так и называется – «Баллада о дружбе».

Спустя пять лет, уже по окончании войны, когда появляются стихи и на иные темы, поэт скажет о себе:

«У каждого поэта есть провинция.

***Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за правдивые стихи.***

***И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесенная, одна,
суровая моя и откровенная,
далекая провинция –
Война...»***

...Гудзенко умер от старых ран. Последствия контузии, полученной на фронте, медленно убивали его. По воспоминаниям Евгения Долматовского, последние месяцы жизни поэта — это «новый подвиг, который по праву можно поставить рядом с подвигом Николая Островского, Александра Бойченко, Алексея Маресьева: прикованный к постели поэт, точно знающий о том, что его недуг смертелен, продолжал оставаться романтиком, солдатом и строителем. У его постели собирались друзья, чтобы говорить с ним не о недугах и лекарствах, а о борьбе вьетнамского народа за свою независимость, о строительстве на Волге и Днепре, о новых изобретениях и открытиях, и конечно, о стихах. В последние месяцы своей жизни Семен Гудзенко, уже не могший писать сам, продиктовал три стихотворения, которые, несомненно войдут в золотой фонд советской поэзии...

